

Нина Дашевская

~
ЧЕК

Надо ходить. Ходьба делает человека лучше.

Вот сегодня я не дождался троллейбуса, потому что у меня сел телефон, а без телефона в троллейбусе скучно. И я пошел пешком.

И у меня прояснение какое-то случилось в голове: например, я понял, как решать задачу по информатике. Не такой я и тупой, как оказалось. Если ходить — голова лучше работает.

Это я сам себя уговариваю, потому что пришел домой и лежу. Устал. Бывает же, что человек просто устал, нет? Имеет право? И вообще, у меня уши болят.

Я пока такой просветленный из школы топал, забыл хлеба купить. Магазин у остановки, а я через дворы срезал и забыл.

И теперь лежу и туплю. Дел по горло: я обещал свои вещи разобрать, и уроков куча. Главное — сочинение. Вот сочинение давит на меня кирпичом, то есть не кирпичом, а целым бетонным блоком. Я не знаю, про что писать.

Ну что такого там можно написать? Миллион лет люди пишут это сочинение, по «Капитанской дочке». Не миллион, конечно, но все равно: сколько написано этих сочинений! По теории вероятностей как раз чье-то напишешь.

Хотя нет, это я просчитал: по теории вероятностей вариантов могут быть миллионы. А практически — все пишут: «В этом произведении автор хотел сказать...» — и так далее. Не надоело учителям читать одно и то же?

Нет, все равно ничего не напишу. Еще стихи надо выучить... учить наизусть вообще можно только на ходу. Не люблю стихи. Потому что вранье! Вот, например, Серова носится со своим Бродским. «Не выходи из комнаты, не совершай ошибку». Все этого Бродского любят! А на самом деле оправдывают собственную лень. Ага, не выходи! А надо встать и идти, как этот, Лазарь. Зачем я только лег? С разгону было бы легче.

Вскочил, в прыжке натянул шапку и сразу ноги в кроссовки. Чтобы отступить было некуда.

Правда, отступить все-таки пришлось — деньги забыл. У-у, бестолковая голова!!!

Наушники отменяются — у меня опять болят уши. Ну, не сильно, просто заложены, будто я в детской

шапке. У меня была такая шапка, на липучке под подбородком. Если еще капюшон сверху — вообще тишина вокруг. Я однажды так шел и смотрел на снег. Мне было так хорошо! А потом обернулся — за мной трактор едет, огромный! И папа кричит, чтобы я отошел. А я ничего не слышу!

...В общем, я как будто в той шапке — все звуки через вату. А сейчас у меня шапка другая, красная, с помпоном. Серова еще про нее сказала: «Придурочная». Я поэтому в ней везде и хожу, даже в школе.

«Герка, тебе не надоело дураком быть?» — спросила она. Из-за шапки. Теперь попробуй сними. Жарко, а приходится носить.

Где же ключи мои? Что это все так долго?.. Лифт. Темный подъезд. Дверь. Снег. Свет!!!

Свет, глазам больно. И это еще солнца нет — один ветер, ветер в лицо, бьет по ногам снегом, заметает. Есть ведь специальное слово для этого снега, который носит по земле ветром. Терпеть не могу ветер, даже сквозь шапку в уши задувает.

Но я волевой человек. Преодолею себя! Добрел до магазина, клонясь навстречу пурге, как Нансен и Амундсен. И в подарок взял себе кофе. В этом магазине есть дешевый, в пластиковых стаканчиках. Горячий зато. Я его пью и смотрю на улицу, как

там замечает. Вообще Бродский был в чем-то прав: не выходить из комнаты в такую погоду довольно логично.

Мимо вдруг стремительно проносится стая голубей. Кто их спугнул?

На столике под чужой пластиковой тарелкой лежит бумажка. Чек. Исчерканный. Ой, а это что еще?..

Я беру чек в руки. Черной гелевой ручкой там написано вот что:

В магазине дают
Длинные чеки.
Пиши и не жалуйся,
Что забыл свой молескин.
Бумаги с избытком,
А мысли коротки.
Ни слова, ни звука.
Остается список продуктов.
Лучше так, чем в телефон.
Чтобы рука не забыла как,
Как пишутся
буквы.
Буквы, которых нет
В твоём имени.

Это что?..

Зачем это написано? Смысл?!

Может, это такие стихи? Но почему они здесь, почему их не унесли? Забыли?

Я понимаю так: если кто-то пишет стихи, их надо куда-то посылать, чтобы публиковали. Или просто «Вконтакте» выложить, или сайты специальные есть. Для поэтов-любителей.

Или если, допустим, романтическая натура, то она (натура) пишет в блокнот. В такой потертый старый блокнот, чтобы потом давать другим натурам почитать, тоже романтическим. Барышням. Чтобы барышни вздыхали. Вот как Серова, например.

А, ну да. У него же молескин, это как раз блокнот и есть. Модный. Он его забыл.

А вот этот чек — зачем? Чтобы уборщица выбросила?

Еще раз перечитал. Ребёнок писал? Нет, почерк взрослый, торопливый. Тем более дети никогда не забывают, как пишутся буквы. Они, может, и рады забыть, да кто ж им даст?

И потом, у него не просто блокнот, а «молескин». Я папе однажды хотел подарить, так он стоит как самолет!

Список продуктов. Я перевернул чек. Все обычное: хлеб, кефир, сметана... «Томаты вял.»

Вялые, что ли? Просроченные?

Бред какой-то. Зачем человеку с молескином вялые томаты?

...Девушка-уборщица пытается вымести мусор у меня из-под ног. Молча. Ничего не говорит, просто

тычет в меня щеткой. Неловко; чего-то я задумался.
А ведь все купил, надо идти.

Я беру этот чек с собой.

Стихи. Странно, у меня ведь хорошая память. Почему в мою голову так легко ложатся математические формулы, иностранные слова, номера телефонов — и так не идут стихи? Одно мучение, запоминаю только на ходу, всегда учу на улице, с телефоном. Летом проще, а сейчас холодно.

Хотя вот это, на чеке, запомнил сразу. Удивительно даже.

Бумаги с избытком,
А мысли коротки.
Ни слова, ни звука.
Остается список продуктов.

Ну что это, разве стихи? Ни рифмы, ни ритма. Только записано в столбик. Зачем? Зачем вообще кому-то было это писать?

Я вдруг почему-то стал думать так же. Словами, записанными в столбик на узкий чек.

В мою голову
Легко ложатся
Математические формулы.
Укладываются там,

Как у себя дома,
Словно их там ждали
Всю жизнь.
...А стихи — нет!
Торчат — локтем, углом!
Металлическим ребром.
Мимо меня.
Пробивают дырки в моей голове!
И оттуда вываливаются
Через эти дырки
Математические формулы и...
И...
И все остальное.

...Что это? Каким локтем? Какие металлические ребра?

Как мое имя — Герман. Жесткое, металлическое.

Бред какой-то. Имя как имя!

Заболел я, что ли?

Это, наверно, оттого, что у меня уши заложены и голова работает не как всегда.

Я вдруг не стал сворачивать во двор, а пошел по улице. Тут ветер сильнее. А я, оказывается, люблю ветер, надо же, я и забыл.

Заметает, стелется снег, закручивается галактиками; не так заметно на белом, а если смотреть на чернеющую дорогу — то да, видно. Жалко, телефона нет, не сфотографировать. И холодно, холодно как, прямо

в лицо ветер, снегом кидается; снежинки царапаются, как звездочки у ниндзя.

Я вдруг вспомнил это слово — «позёмка». Смешное какое. Похоже на имя собаки. Если бы у меня была собака, белая и лохматая, я бы так и назвал ее — Позёмка, Зёма.

Надо будет это записать. Просто слово — «позёмка». И я сразу все вспомню, вспомню этот день, безо всякого фотографирования. Записать не в телефон, а... ну, хоть в тетрадь по информатике, она толстая, не потеряется.

Чтобы не забыть, как пишутся буквы.
Которых нет в твоём имени.

Ого. Внезапно до меня дошло, только сейчас. Значит, буквы, которые есть в ее имени, он всегда помнит.

То есть это вообще-то стихи... Стихи о любви. Да? Вот я идиот. А томаты не вялые, а вяленые. Надо как-нибудь попробовать.

Какой-то человек оставил мне слова. Чтобы что-то щелкнуло у меня в голове, переключило, переконтакчило.

Зашел домой, бросил ботинки... Что это? А, хлеб... какой-то хлеб в пакете... откуда он взялся?..

Я остался в куртке, в шапке, как был — и тут же, в прихожей, начал записывать в телефон. Это будет сочинение. «Капитанская дочка», вот что это будет.

Сочинение... Нет, при чем тут стихи? Какие еще стихи? Просто в столбик. Это... это такая организация пространства. И больше ничего.

Герой этой повести
Петр Гринев
Не хотел бы,
Совсем не хотел бы,
Был бы категорически против
Того, чтобы я писал сочинение
О нем. Нет, он очень против.
Он сопротивляется, слышите?

Только не называй ее имени,
Говорит он.
Не называй.
Не надо.
Пожалуйста.

...Оказалось, я набираю эти слова как письмо. В электронной почте. Отправить? Кому? Уж не учителю по литературе, я же не настолько еще идиот. Кому?

Ну, ясно кому. Это вообще... вообще может понять один человек. Остальные покрутят пальцем у виска, да и все.

У Серовой такой дурацкий адрес — snusmumrik. Нормально это вообще, писать письма Снусмумрику? Хотя с такой фамилией и именем трудно придумать что-то нормальное. С таким именем... именем.

Маша,
Смотри что.

А дальше идет вот это, про Гринева.

Идиотизм.

Я сижу на полу в прихожей. В куртке. Рядом валяется хлеб — вывалился из пакета. Я снял свою красную шапку.

И нажал «Отправить».